

Шэнь Цюэ бежал в такой спешке, что даже не почувствовал, как по лицу хлестнули тонкие нити жемчужной занавеси. В ушах свистел ветер, вторя бешенному, всё ускоряющемуся стуку сердца.

Лишь отбежав на приличное расстояние, он заметил, что снаружи снова пошел мелкий снег. Шэнь Цюэ бродил по двору, то и дело натываясь на слуг. Каждый из них спешил навстречу, услужливо спрашивая:

— Куда направляетесь, господин? Если нужно привести себя в порядок, позвольте проводить вас?

Шэнь Цюэ молча качал головой. Сейчас любой взгляд был для него пыткой. Он отыскивал уединенную флигель-комнату, взобрался на крышу и, присев на черепицу, растерянно уставился в пустоту. Сердце до сих пор колотилось в беспорядке.

Он досадливо опустил голову. Произошедшее внутри нельзя было списать только на того юного певца. Тот действительно терся о него, вызывая невольное раздражение, но в душе Шэнь Цюэ был только Ваше Высочество. Лицо горело от стыда, а сердце оставалось холодным. Однако стоило вспомнить, как Се Шигуань тайно сжег его документ о продаже в рабство и строил планы на будущее, не жалея сил ради такого ничтожного человека, как он, внутри у Шэнь Цюэ все переворачивалось от сладкой боли.

Его сердце оттаяло, и он перестал быть бездушным деревянным болванчиком, лишенным желаний. Но ведь это случилось прямо перед Его Высочеством! Как он посмел?

Шэнь Цюэ посмотрел в ту сторону, куда указывал мальчик — расстояние было таким огромным, что даже лучший скакун не смог бы перемахнуть через него. Он снова покачал головой. Мальчик не расстроился, а потянул его за рукав, прося присесть. Шэнь Цюэ, хоть и был озадачен, решил последовать просьбе.

Он не мог произнести ни слова, но мальчик понял его беззвучный вопрос и покачал головой:

— Я прислужник у дяди-наставника. Глава труппы говорит, что у меня нет таланта, поэтому мне дозволено лишь выполнять самую черную работу на подмостках.

Шэнь Цюэ понял: мальчик пришел с тем самым актером по имени Сы Сянь. Актеры были еще ниже рангом, чем они, слуги. В труппах их постоянно били и бранили, и если не удавалось стать звездой, всю жизнь приходилось прозябать в самом низшем статусе, без жалованья, без надежды на просвет.

Заметив, что Шэнь Цюэ пристально смотрит на его руки, мальчик поспешно спрятал их. Шэнь Цюэ опустил взгляд: в заснеженном дворе стоял ребенок лет семи-восьми с заостренным личиком, круглыми глазами и раскрасневшимися щеками. Одет он был в старую темно-коричневую куртку, а в руках держал деревянный ящик, склонив голову набок.

Даже если бы Его Высочество и удостоил его лишним взглядом, что с того? Он по-прежнему оставался ничтожеством, песчинкой в этом бесконечном снегопаде, эфемерным существом, муравьем, которому никогда не коснуться даже края одежд Се Шигуаня.

— Ну вот, — мальчик улыбнулся.

Тот, кого называли Сы Сянь, выглядел лет на шестнадцать-семнадцать. Совсем еще ребенок, а уже привык к подобной грязи и так искусно умел соблазнять. Затем он улыбнулся Шэнь Цюэ и добавил:

— Пойдешь со мной, и такой еды у тебя будет вдоволь.

Даже став знаменитостью, они оставались лишь игрушками, которыми богатые господа могли распоряжаться по своему усмотрению. Если бы не тот актер, который послужил прикрытием, Его Высочество наверняка догадался бы о его грязных помыслах. Шэнь Цюэ чувствовал себя хуже животного.

Из-за пронизывающего холода румянец на его лице постепенно сошел, а на душе стало совсем пусто. Снег повалил сильнее, ветер под крышей усилился. Шэнь Цюэ просидел там недолго, но его волосы и ресницы уже покрылись инеем.

Мальчик, не мигая, смотрел на него, а затем вдруг протянул руку и очень осторожно смахнул иней с его ресниц. Шэнь Цюэ подумал, что это тоже один из местных слуг, и спросил жестами:

— Тебя бьют?

Шэнь Цюэ покачал головой и собрался уходить, но ребенок увязался за ним, словно хвостик, и с восторгом спросил:

— Ты великий мастер боевых искусств? Можешь вот так запросто перелететь с этой крыши на ту?

Шэнь Цюэ смутился под его взглядом и поспешно спрыгнул вниз. Мальчик замер, глядя на его движения, и прошептал:

— У тебя ноги не болят, когда ты так прыгаешь?

Однако, когда мальчик поднял руку, рукав сполз, обнажив следы от плети на предплечье — сплошные синяки. На руках виднелись обморожения, суставы распухли и покраснели.

Его черты лица совсем не походили на Се Шигуаня, но почему-то напомнили Шэнь Цюэ маленького Его Высочество в детстве. Тот ребенок, кукольный, облаченный в парчу и золото, при первой встрече точно так же протянул руку, коснувшись его ресниц.

Пока он предавался воспоминаниям, глядя вдаль, вдруг услышал за спиной легкий шорох

черепицы, и чья-то высокая фигура мягко опустилась на землю. Шэнь Цюэ мгновенно обернулся, наполовину вытянув из ножен саблю, но, присмотревшись, замер: перед ним стоял Се Шигуань.

Неизвестно, как долго он стоял на крыше, наблюдая за ними. В руках у него был шелковый зонт, белый, как снег, с тонкой росписью гор и вод по краям. Стоя посреди летящих хлопьев, он сам казался частью картины.

Шэнь Цюэ и мальчик застыли, не в силах отвести глаз, пока Се Шигуань не кашлянул, возвращая их в реальность.

— Ваше Высочество, — он поклонился и показал жестами: — Как давно вы здесь?

— Только что, — ответил Се Шигуань. Помолчав, он добавил: — Увидел издали, что на крыше кто-то стоит, вот и решил проверить.

Шэнь Цюэ не ожидал, что его глупое самобичевание на крыше было замечено Ванье. Он почувствовал себя так, будто с него сорвали всю одежду, и в стыде опустил голову. К счастью, Се Шигуань, похоже, не собирался его отчитывать. Он небрежно поманил его рукой:

— Иди сюда, поддержи мой зонт.

Шэнь Цюэ поспешно подошел и привычным движением принял зонт. Оглянувшись, он увидел, что мальчик, все еще робея, семенит за ним с деревянным ящиком в руках. Шэнь Цюэ боялся подойти слишком близко к Се Шигуаню, поэтому половина его тела оставалась под снегом.

В душе все еще царил хаос: он думал о постыдном случае, вызвавшем румянец, и о несчастном мальчишке за спиной. Пройдя половину пути, Шэнь Цюэ набрался храбрости, слегка наклонил голову и взглянул на подбородок Се Шигуаня. Тот заметил, что Шэнь Цюэ остановился, и тоже повернулся:

— Что такое?

Расстояние между ними было ничтожным. Сердце Шэнь Цюэ стучало, как барабан. Он вернул зонт Ванье, отвел взгляд и медленно показал руками:

— Подчиненный... хочет выкупить этого ребенка.

Се Шигуань промолчал.

— Ему всего семь или восемь лет. Если он останется в трупке, рано или поздно... — Шэнь Цюэ запнулся, не зная, как подобрать слова, и продолжил жестами: — Он еще такой маленький, у него в жизни должен быть выбор.

Се Шигуань наконец удостоил мальчика взглядом. Тот выглядел настолько худым и низкорослым, что казалось, порыв ветра унесет его прочь. Из-за худобы голова казалась непропорционально большой, словно насаженной на несколько соломинок. Впрочем, черты лица были довольно миловидными, хотя в глазах Се Шигуаня это был лишь чуть более опрятный уродец.

— Если в твоём дворе не хватает слуги, — сказал Се Шигуань, — можешь выбрать кого-то из смысленных рабов в поместье.

Шэнь Цюэ поспешно покачал головой. Ему не нужен был помощник:

— В доме хватает людей. Я просто пожалел его.

— Ты жалеешь его? — Се Шигуань счел это забавным: раб, еще не освободившийся от своего низкого статуса, жалеет актера. Он медленно спросил: — Если ты не возьмешь его как слугу, но выкупишь, думаешь, он пойдет просить милостыню на улице?

Мальчик оказался сообразительным. Понимая, что это единственный шанс выбраться из нищеты, он сделал несколько шагов вперед и опустился перед Се Шигуанем на колени:

— Господин, я готов служить этому человеку! Я все умею, не хуже других, и... и ем совсем мало!

Се Шигуань смотрел на него сверху вниз, словно на грязного котенка или щенка:

— Много ли чистого может выйти из борделей и подмостков? Ты достоин того, чтобы войти в дом Ванье?

Взгляд Шэнь Цюэ потускнел, он умоляюще посмотрел на Се Шигуаня и медленно показал жестами:

— Он еще мал. Если его строго воспитывать, он ничем не будет отличаться от обычного ребенка...

Он редко осмеливался о чем-то просить Се Шигуаня, это был первый раз в жизни. Се Шигуань посмотрел на него, заметив, что половина его одежды промокла от снега. В такой холод он был одет лишь в тонкую форму охранника, и его хрупкие плечи напомнили Ванье о том, как он ощущался в объятиях.

Се Шигуань ничего не ответил, лишь двинулся вперед под зонтом. Когда Шэнь Цюэ уже решил, что надежды нет, тот внезапно произнес:

— Сам иди и договаривайся с тем певцом.

Раз он так сказал, значит, согласился. Мальчик в восторге вскочил со снега и, не отставая ни на шаг, двинулся следом за Шэнь Цюэ.

Когда они вернулись к дверям главной комнаты, Шэнь Цюэ почувствовал нерешительность и не хотел входить. Только он собрался показать это жестами, как изнутри донесся низкий, гневный голос, будто в горле у говорившего перекатывались угли:

— Хунну постоянно нарушают границы, сколько наших воинов полегло? В прошлогодней битве у Лунью двадцатитысячное войско противостояло восьмидесяти тысячам врагов, в живых остались лишь сотни!

— Мы выживали день за днем, веря, что подкрепление и припасы придут. Но чем в это время занималась клика Мяо? Они держались за военную власть, плели интриги против Се Лина, пытались отобрать его полномочия! Кто в этом Чанъане думает о народе, о государстве, о нас?

— Тела погибших еще не остыли, а вы в Министерстве дворов не подписываете выплаты пособий семьям! Как я должен смотреть им в глаза?

Послышался заплетающийся голос пожилого чиновника:

— Успокойтесь, генерал, успокойтесь. Разве Министерство дворов отказывается подписывать? В начале прошлого года, в день рождения Святейшего, а затем и в день рождения Вдовствующей императрицы, Его Величество, желая проявить сыновнюю почтительность, издал указ о снижении налогов и повинностей, чтобы дать народу отдохнуть и помолиться за долголетие Императрицы.

— Серебра выделено много, а налоговых поступлений — гроши. Министерство дворов тоже бедствует! Пока вельможи ведут борьбу, страдают те, кто внизу. Не то что пособия воинам, в этом году мы даже жалованье чиновникам Секретариата едва ли сможем выплатить.

— Вы плачетесь о бедности, он плачется о бедности! Я подаю прошения, а мне говорят, что финансы в ведении Министерства дворов. Прихожу туда, умоляю — и не получаю ни гроша! Разве это не леденит сердца солдат? Кто захочет идти на поле боя, когда придут хунну?!

Наступила тишина. Шэнь Цюэ замер, глядя на Се Шигуаня. Тот сохранял невозмутимый вид, словно заранее знал, что так и будет.

Конечно. С чего бы Ванъе поднимать такой шум и приглашать министра дворов ради такой мелочи, как освобождение Шэнь Цюэ от рабства? Очевидно, приглашение министра Чэня и встреча с генералом были лишь предлогом.

<http://bllate.org/book/19999/1972166>